МУРЗИЛКА

№ 2 Журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 1959

Рис. А. ЗЕГЕРА, М. КЛЯЧКО

27 января в Москве открылся съезд нашей Коммунистической партии.

Съезд собрался, чтобы обсудить план развития страны на семь лет вперёд.

Сейчас на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах уже работают по новому плану. А когда через семь лет его выполнят, наша Родина станет во много раз богаче и сильнее.

Сколько тебе лет? Восемь? Совсем мало. Но через семь лет, когда рабочие и колхозники выполнят этот план, ты закончишь школу.

Ты, видно, мечтаешь об этом? Мечтаешь о том, что ты будешь делать, когда вырастешь?

Мы расскажем тебе про семилетний план, чтобы тебе было легче мечтать, чтобы ты уже сейчас мог выбрать себе работу по сердцу.

ДОБРЫЙ ДРУГ

У тебя в комнате горит электрическая лампочка. Ты ездишь в метро, в троллейбусе, в трамвае. А метро, троллейбус и трамвай приводятся в движение тоже электричеством.

Значит, электричество — наш добрый друг. Вот поэтому в семилетнем плане и написано: увеличить электрическую мощь страны вдвое!

Но электрическая энергия — это не морские ракушки, которые можно просто собрать. Тут нужно не собирать, а строить. Строить гидростанции, тепловые станции. Они-то и увеличат силу нашего доброго друга вдвое.

Если всю электрическую энергию страны направить в электрические лампочки, то для тебя одного загорится сразу 400 лампочек. Это сейчас. А через семь лет их уже будет гореть 700.

Выходит, что ток силой в 700 электрических лампочек будет работать на одного тебя: водить троллейбусы, на которых ты ездишь, убирать с полей хлеб, который ты ешь, пилить лес для твоего нового дома.

Может, тебе пойти работать в электрическую промышленность? Включил рубильник — а в поле трактор заработал. Перегородил реку плотиной, поставил турбины — и в соседние города и деревни побежал по проводам ток.

Хорошая работа!

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ

Ток по проводам прибежал на завод. Вот перед тобой на картинке высоченные и широченные трубы. Это металлургический завод. Здесь переплавляют железную руду в чугун, а чугун — в сталь, в металл.

Мы с тобой живём в такое время, когда без металла не обойдёшься. Представь себе, что вдруг пропал бы весь металл. Надо делать уроки, а у тебя нет пера — оно металлическое. Взял тетрадь, а она рассыпалась — скрепки пропали. В обед — ты остался без обеда, потому что кастрюли тоже из металла.

А если много металла, тогда много машин, пароходов, паровозов, самолётов, тракторов.

И семилетний план приказал: выплавлять стали 90 миллионов тонн каждый год! Это очень много, так много, что если бы из этой стали делали только велосипеды, то их выпустили бы больше 1 миллиарда. На каждого второго жителя Земли пришлось бы по новенькой машине.

Вот что такое 90 миллионов тонн стали!

Может, тебе научиться сталь варить?

Может. Будешь тогда стоять у мартена и смотреть, как клокочет сталь. Хороша температура в печи — 7000°! Где ещё такую высокую температуру найдёшь? Учёные говорят: только на поверхности Солнца.

На поверхности Солнца и у тебя в печи.

А потом выйдешь на улицу — дом строители строят, и плиты им на высоту подымает кран, сделанный из металла. Сядешь книгу читать, а книга эта отпечатана на типографской машине из твоего металла. Важная работа у сталевара.

ТРЕТЬЯ СИЛА

Мы рассказали про две великие силы: электричество и металл. Из металла сделают станки, электричество приведёт их в движение. Станки вытачивают детали, детали собирают, и из цехов заводов выходят тяжеловесы-грузовики, пароходы, красивые, как белые чайки, самолёты.

По новому плану одних только автомобилей будут выпускать каждый год больше 800 тысяч.

А разве не интересно строить автомобили? Или работать на токарном станке? Может, тебе повезёт, и ты сделаешь первую деталь для межпланетного воздушного корабля, который повезёт людей на Луну. Это тоже интересно.

НАШ ХЛЕБ

Каждый день ты ешь хлеб, молоко, масло, мясо. Подумай-ка, сколько труда затратили колхозники, чтобы и хлеб, и молоко, и масло, и мясо попали на твой стол. Много труда. И решили поэтому отправить на помощь колхозникам побольше машин. Миллион тракторов придёт за эти семь лет в деревню, 400 тысяч комбайнов. Тогда у нас хлеба будет, молока, масла, мяса столько, сколько никогда не было.

Может, тебе пойти работать в колхоз?

Конечно. У древних индейцев, которые когда-то давно жили в Америке, был народный герой Гайавата. Про него говорили, что он научил народ возделывать хлеб. Поэтому индейцы так любили рассказывать о Гайавате. А поэт Лонгфелло написал о нём поэму «Песнь о Гайавате».

...И не кончилося лето,
Как в своём уборе пышном,
В золотистых, мягких косах,
Встал высокий, стройный маис.
И воскликнул Гайавата
В восхищении: «Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!»

Смотри, с какой гордостью произносит Гайавата слово «мондамин», а ведь «мондамин — маис» — это кукуруза.

Храбрый Гайавата гордится, что он дал людям «мондамин». А ты будешь гордиться тем, что вырастишь хороший урожай.

Почётный труд у хлебороба.

А сейчас для тебя самое главное — хорошо учиться, расти крепким и здоровым. Когда же ты возмужаешь, твой отец или брат передадут тебе штурвал комбайна, лопату кочегара, станок токаря.

ЖИЛ В ГОРОДЕ ПАРНИШКА

М. КОРШУНОВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

1

На столе горела коптилка: черепок с салом, а в нём тряпица — фитиль. Окно комнаты было завешено одеялом, чтобы свет не проникал наружу. Иначе ночные патрули фашистов стреляли в окна без предупреждения. Саня сидел с матерью за столом и ел суп из мучной засыпки. Жёлтый листик пламени едва держался на обгорелом конце фитиля, вздрагивал и шевелился. Вздрагивали и шевелились тени.

Лицо матери неспокойно. Саня знает почему: опять будет спрашивать про голубей.

В комнате тихо. Только с жестяным стуком болтается маятник ходиков да изредка скрипит в ходиках, прокручивается цепочка гирьки.

Советские войска окружили город и стояли совсем близко — в Брусничной балке. Часто ночью стреляли тяжёлые пушки по фашистским укреплениям, складам, переправам.

Саня выбегал на крыльцо и прислушивался к разрывам: старался угадать, куда бьют пушки. Сегодня пока тихо.

Мать принесла тазик с нагретой водой и принялась мыть грязные миски и ложки.

— Ох, Саня! — негромко вздохнула мать. — Накликаешь ты на себя беду голубями. Ну на что они тебе нынче, сынок? Скажи ты мне!

Но Саня не мог сказать даже матери, на что ему теперь голуби: он дал слово молчать.

Прежде, до войны, Саня водил голубей из любопытства. Все мальчишки водили, водил и он. Улица их была для этого подходящей — пустынная, на окраине города. В изломах мостовой уже с весны колыхались одуванчики, а на красную черепицу крыш сыпалась летом синяя шелковица.

Прибежит, бывало, Саня из школы — и на голубятню. Опять трубач хвост распустил. Это он на рыжего вертуна сердится. Дразнит его рыжий вертун. Надо будет их рассадить. А дутыш и мохноногий подружились.

А где же его любимец чистяк — белый, чернокрылый, с повязками? Предложи кто Сане сменять чистяка — не сменяет. Потому как на всей улице нет вернее голубя, чем Санин чистяк. Спрячь его под рубаху и занеси куда хочешь — всё равно домой вернётся. В чужую голубятню на переманку не идёт.

Саня ему и крылья никогда не резал и ниткой не путал, летал чистяк вольно — и так привык к Сане.

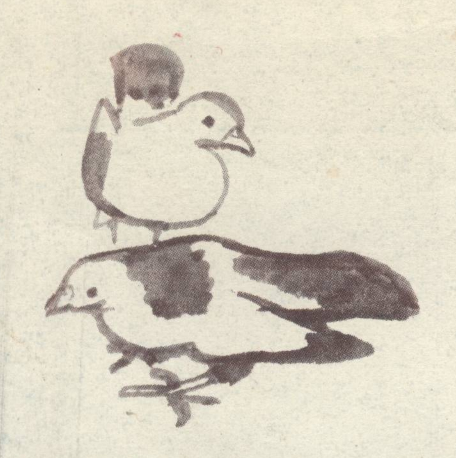
Если в голубятне было грязно, Саня помоет полы, стены покрасит. Проверит, сколько пшена в кормушке и воды в поилке. Хлопот доставало.

А теперь голубятни нет. Не только у Сани, а и во всём городе ни одной нет. Немцы, как захватили город, приказали голубятни развалить, а голубей сдать в комендатуру. Кто приказ нарушит, будет строго наказан. «Голуби, — говорилось в приказе, — это возможная связь населения с партизанами».

Саня развалил голубятню, но голубей в комендатуру не отнёс: спрятал в дровяном чуланчике. Разобрал дрова и внутри из старых вёдер устроил гнёзда. Поставил воду и кормушки.

Он кормил голубей ржаными крошками, которые ему приносила соседка тётя Феня из городской столовой, где она работала в хлеборезке.

Саня сохранил голубей просто так, для себя. Но однажды он встретил своего бывшего школьного учителя Опанаса Михайловича.

Опанас Михайлович усадил Саню в сквере на скамейку и начал расспрашивать, чем он теперь занимается, как живёт.

Саня рассказал.

Потом Опанас Михайлович спросил про голубей. Куда Саня их подевал? Может, отнёс немцам в комендатуру?

Саня хотел было обидеться на Опанаса Михайловича и уйти, но учитель крепко ухватил его за руку и, заглянув в сердитые глаза, примирительно сказал:

— А ведь твои голуби, Саня, могут сейчас очень пригодиться!

— Что с них проку? — всё ещё угрюмо ответил Саня. — Они в чулане заперты.

— Пусть будут заперты до поры до времени.

— Это до какой поры? — насторожился Саня.

— А до той, когда я тебе скажу, что с ними делать.

— А что, — оживился Саня, — есть такая служба, чтоб и мне с голубями?

— Есть такая служба, — ответил Опанас Михайлович, — и очень важная. Только ты о нашем разговоре молчок. Никому ни слова...

2

Вскоре советские войска приблизились к городу и заняли Брусничную балку. Тогда и началась Санина служба с голубями.

Немцы стягивали подмогу. Не умолкая, шумели в городе моторы танков и бронетранспортёров, гремели по булыжнику мостовой колёса пушек.

Саня в условное время, о котором ему говорил Опанас Михайлович, прятал под рубаху пару голубей, набрасывал на плечи куртку и выходил в город. Обыкновенно это бывало к вечеру.

Ничем не приметный паренёк в сдвинутой на ухо шапчонке, он бродил по улицам, заложив руки в карманы обтрёпанных штанов. Бродил и присматривался ко всему, что делали немцы: куда везли пушки, где прятали танки, где устраивали казармы.

Саня подкрадывался поближе к пушкам или танкам, осторожно вынимал из-под рубахи голубя и, оглядевшись, чтобы никто не заметил, выпускал его.

Голубь возвращался домой в чулан, а Саня шёл дальше. Немцы поспешно готовились к сражению, и им было уже не до того, чтобы обращать внимание на одиноких голубей, которые иногда в солнечном закате пролетали над городом. И только на советских батареях очень интересовались этими одинокими голубями. Специальные наблюдатели ждали Саниных голубей, следили в бинокли, с каких точек города они поднимутся, и наносили эти точки на огневые карты.

А ночью по немецким танкам, казармам, боеприпасам начинали стрелять русские тяжёлые пушки.

Саня был счастлив. Ведь это он и его голуби помогали нашим артиллеристам точно обнаружить цель!

3

Сегодня с утра, затаившись в густой роще, Саня приглядывал за разбитой часовней.

Команда фашистских солдат очищала от камней и мусора небольшую площадку перед часовней.

«Укрепление, что ли, будут строить?» — думал Саня.

Потом один за другим прибыли крытые грузовики. С них сняли металлические

шесты, катушки кабеля, полевые телефонные аппараты, складные столы и кровати.

Грузовики замаскировали ветками, кровати и столы унесли в подвал часовни.

Саня всё ещё не понимал что к чему.

И только когда солдаты подняли металлические шесты и натянули между ними провода с изоляторами, Саня догадался: радиостанция!

Теперь бы Сане поскорее сюда с голубем. Он дождался сумерек, взял любимого чистяка и снова пошёл в рощу. Два раза останавливали пикетчики, спрашивали, куда направляется. «За порошками для матери», — неизменно отвечал Саня и показывал старый рецепт, который носил в кармане.

...Ограда сквера. Здесь есть лазейка. Через неё можно попасть на другую улицу.

За сквером городская свалка, пустырь, железнодорожная ветка, и только потом будет роща с часовней.

Саня пробирался уже в роще совсем недалеко от часовни, как вдруг запутался в проводах. Это были сигнальные провода.

Саня от неожиданности растерялся: ведь утром никаких проводов не было. Освободил ногу. Провода зацепились за пуговицу на куртке. Сбросил куртку.

В это время услышал окрики охраны:

— Стоять на месте!

Саня выхватил чистяка и высоко подкинул его.

Гулко загрохотали в роще автоматы. Саня побежал назад к пустырю. Может быть, там, в овраге, удастся спрятаться?

Точно догадавшись, в чём дело, немцы открыли огонь и по голубю.

А чистяк летел низко над Саней. Будто понимал, что Саня в опасности, и не хотел его покидать.

Саня не добежал до пустыря. Он упал в роще лицом в траву и больше не поднялся.

Упал в траву и его любимец чистяк — белый чернокрылый голубь с повязками.

Они лежали совсем недалеко друг от друга, и над ними ещё долго с тихим шелестом спадали сбитые пулями листья.

...Ночью часовня и радиостанция были уничтожены советской артиллерией.

4

Давно закончилась война.

В городе на той улице, где когда-то жил Саня, как и прежде, колышутся весной одуванчики, а на красную черепицу крыш сыплется летом синяя шелковица.

Как и прежде, мальчишки лазят по чердакам и сараям, свистя в два пальца, размахивают кепками, гоняют голубей.

Нет среди них только Сани... Но каждый мальчишка в городе знает историю о нём и его голубях.

ХРОМАЯ ТАБУРЕТКА

А. БАРТО

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Она лежит трёхногая
В кухне на боку.
Испытала многое
На своём веку.

Давно ей кто-то грудь прожёг —
На ней забыли утюжок.
Потом котята лапами
Её скребли, царапали...

Андрюша зиму целую
Твердил: — Я завтра сделаю
Для табуретки ножку. —
Однако зиму целую
Она лежала в лёжку,
Будто понимая,
Что она хромая.

Пообещал купить гвоздей
Сосед однажды летом.
Но (понадейся на людей!)
Сосед забыл об этом.

Её в порядок привести
Пообещал Володенька,
Но парню нужно подрасти —
Пока ему три годика.

У Пети в школьной мастерской
Все инструменты под рукой,
Но табурет не в плане!

А если он не в плане —
Пускай лежит в чулане!

К вам обращаюсь, детвора,
Возьмите на заметку:
Поставить на ноги пора
Хромую табуретку.

Прошу тебя, читатель мой,
Ты не оставь её хромой!

Виктор ГОЛЯВКИН
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

ЯАНДРЕЕВ

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале — чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому я и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это не трудно: он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать! Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я и придумал это.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Я теперь не Андреев. Я теперь Яандреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яандреев, на «Я» начинается — Яандреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яандреев, когда ты просто Андреев. Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яандреевым стал?

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне.

— У меня тут такое дело. Я теперь Яандреевым стал. Нельзя ли в журнале меня изменить, чтобы я на «Я» начинался?

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот что! Тогда можно. Иди, Яандреев, урок отвечать.

НОВАЯ РУБАШКА

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул на пальто все пуговицы и заложил за спину руки.

Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили! Я ходил по двору вперёд и назад, поглядывая на окна.

Шёл с работы мой старший брат.

— О, — сказал он, — какая прелесть! Только смотри не простудись.

Он взял меня за руку, привёл домой и надел мне рубашку поверх пальто.

— Теперь гуляй! — сказал он. — Какая прелесть!

Я вышел на лестницу, постоял немного и вернулся назад.

— Чего же ты не гуляешь? — спросил брат.

— Неохота... — ответил я.

НУ И ЧТО ЖЕ?

— Ты опять на мороз выбегаешь без шапки?
— Ну и что же? — говорит Петя.
— Ты опять болтал на уроках?
— Ну и что же? — говорит Петя.
— Ты опять твердишь: «Ну и что же?»?
— Ну и что же? — говорит Петя.

Прямо сладу с ним нет!

Однажды Петя лёг спать, и вот что ему приснилось:

Идёт он по дорожке. Навстречу ослик бежит.

— Кря-кря, — сказал ослик.
— Не «кря-кря», а «иа», — сказал Петя.
— Ну и что же? — сказал ослик.

Удивился Петя и дальше пошёл.

Навстречу курица скачет.

— Ау! — сказала курица.
— Не «ау», а «куд-кудах», — сказал Петя.
— Ну и что же? — сказала курица.

Удивился Петя и дальше пошёл.

Навстречу верблюд бежит.

— Мяу-мяу, — сказал верблюд.
— Не «мяу», а по-другому, — сказал Петя.
— Ну и что же? — сказал верблюд.
— Опять «ну и что же?»! — крикнул Петя.

И проснулся. Сел на кровати и думает: «Как хорошо, что это сон!»

С тех пор он не говорит «ну и что же?».

НА ЕЛОВОМ РУЧЬЕ

Ю. КАЗАКОВ *Рис. А. ЛИВАНОВА*

1

В феврале на Севере, на Белом море, начинается зверобойный промысел.

Из Архангельска в море выходят ледоколы. На мачтах, на особых, удобных, площадках сидят люди с биноклями, осматривают льдины; и как заметят на льдинах чёрные пятнышки тюленей, так ледокол останавливается, зверобои сходят на лёд и начинают на тюленей охотиться.

Но не только с ледоколов охотятся на тюленей, а и с берега. В самых глухих местах стоят на берегу зверобойные избушки, в горах, в лесистых ущельях, возле ручьёв. Летом избушки эти пусты, в них никто не живёт, а с начала февраля поселяются там зверобои бригадами и ждут появления тюленей.

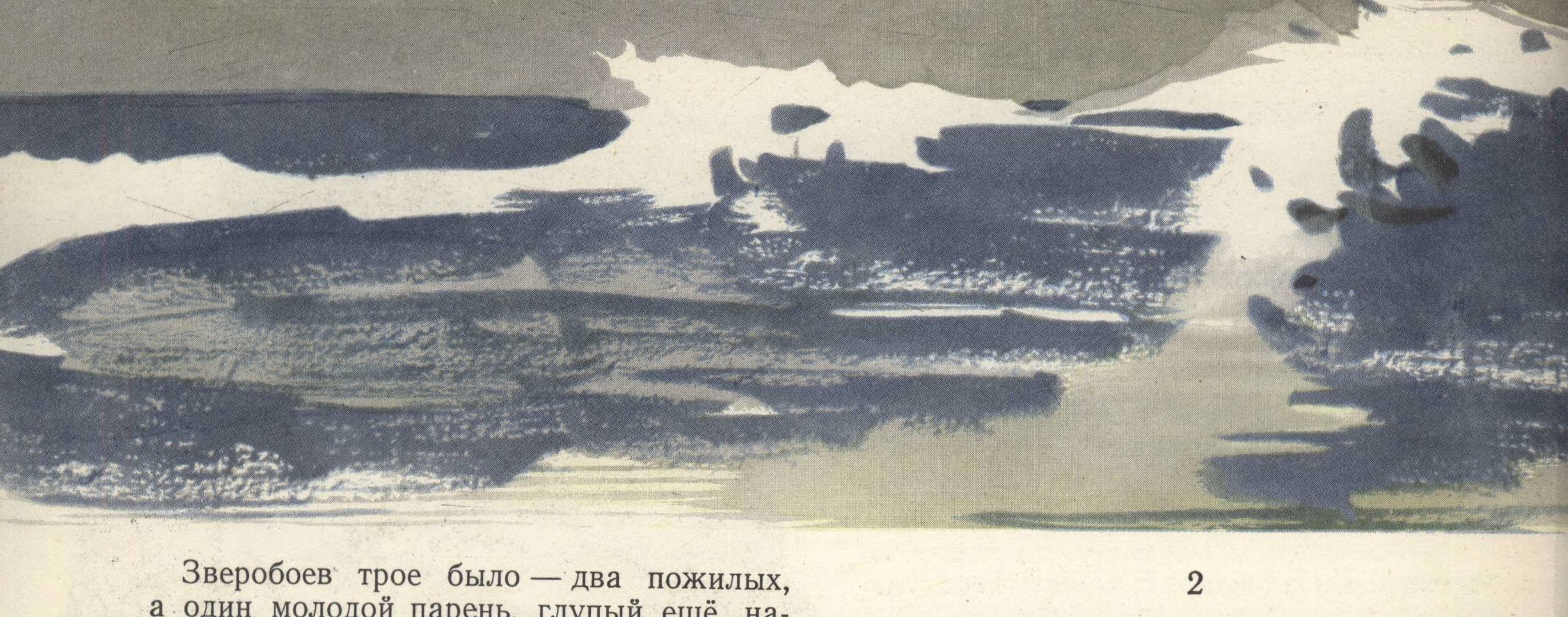
Одна такая маленькая избушка стояла на Еловом ручье. И вот какой там однажды случай вышел. Встали как-то утром зверобои, включили радио, затопили печку, стали греть чай. Посмотрел один из них в окошко и закричал:

— Ребята, тюлени!..

Выскочили зверобои из избушки, раздетые, с винтовками, смотрят — на льду, недалеко от берега, целое стадо тюленей. Поднялась тут частая стрельба, все торопятся: тюлень — зверь чуткий, после первых же выстрелов спешит уйти в воду. И хоть законом строго запрещено убивать самок тюленей, у которых маленькие детёныши есть, но в спешке бывали случаи, что и убивали.

Так и на этот раз. Подстрелил кто-то второпях мать, а с ней был маленький тюленёнок — дня два только как родился.

Прибежали тут зверобои, стали убитых тюленей к берегу тащить. Мать тюленёнка тоже потащили вместе с другими в амбар, где тюленей разделывают. А тюленёнок остался один на льду, заплакал и пополз за матерью. Нюхает её след, ластами перебирает, хвостом себе помогает и ползёт быстро, как только может.

Зверобоев трое было — два пожилых, а один молодой парень, глупый ещё, насмешник. Увидел он тюленёнка, засмеялся и прицелился в него из винтовки, убить хотел тоже. Но старый зверобой дядя Зосим не позволил, ударил парня по руке.

— Что ты, дурак, делаешь?—сказал он и сморщился. — Это же дитё махонькое...

Стоят зверобои на морозе и уж поостыли немного от горячки, уж замёрзли, в избу хочется — в избе чай на печке кипит, — а уйти всё не решаются. И тюленёнок перед ними лежит на снегу, смотрит на них, как человек, как ребёнок.

Крохотным он был и жёлтого цвета. Всё в нём было маленькое: головка точёная, тельце, шейка. Но удивительней всего были его глаза. Таких огромных чёрных глаз нет ни у кого больше, и такая тоска в этих дивных глазах, такое горе, такие крупные слёзы катились по мордочке, что невозможно было на него смотреть.

Поморы люди суровые — всю жизнь тюленей бьют, а летом рыбу ловят: сёмгу, треску, селёдку, — в тихую погоду и в штормы одинаково по морю ходят на маленьких мотоботах, не раз в глаза смерть видали. Всякого навидался каждый за свою жизнь. А тут всем им, и даже парню-насмешнику, тяжело на сердце стало.

— Что ж с им делать? — в раздумье сказал дядя Зосим.

— Возьмём в избу, пущай погреется, — решил дядя Перфилий, тоже старик.

А парень-насмешник ничего не сказал, только заморгал часто и стал в сторону смотреть. Нагнулся дядя Перфилий, взял тюленёнка на руки и пошёл скорей домой.

2

Как ни жалели зверобои тюленёнка, а пришлось бы неминуемо ему погибнуть без матери — некогда было зверобоям заниматься с ним, надо было дело делать. Но на другой день с утра прибежал на лыжах к дяде Зосиму внук Вася, сахару принёс, табаку, ватрушек свежих, молока.

— Ой, кто это? — закричал он, увидав тюленёнка.

А тюленёнок за ночь будто похудел, будто ещё меньше стал, только глаза по-прежнему огромные и горькие, заплаканные.

— Да вот матку вчера убили, так дитё ейное осталось — тюленёнок, — сказал дядя Зосим. — Всю ночь ревел. Сам не спал и нам не давал...

— А что вы с ним делать будете? — спросил Вася.

— А что с им делать? — вздохнули разом зверобои.

— Дайте нам в школу, у нас живой уголок, — загорелся вдруг Вася.

— А возьми,—обрадовался дядя Зосим.

— Пущай ребятишки воспитуют. Это им для науки, — сказал дядя Перфилий.

— Только вы ему ванную сделайте, а то подохнет без воды, — захохотал парень-насмешник.

— Сделаем, всё сделаем... — бормочет Вася радостно, а сам уже одевается в обратную дорогу.

— Да ты хоть чайку попей! — уговаривает его дядя Зосим.

Но Вася и слышать про чай не хочет: ещё бы, радость какая, живого тюленёнка в школу принесёт!

Надел Вася лыжи, тюленёнка в мешок положил и побежал домой. Тюленёнок за спиной у Васи плачет, стонет, а Вася только ходу прибавляет — единым духом в деревню примчался, к школе.

3

У ребят в живом уголке синицы жили, камбала плоская, с одной стороны белая, с другой — коричневая, рявша колючая, пятнистая кумжа; жили ещё два ёжика, заяц, который зимой сам в школу забежал, а тут прибавился ещё тюленёнок.

Обрадовались все, захлопотали, выпросили для него большую деревянную кадку, в каких летом сёмгу засаливают — вёдер тридцать воды в неё входит.

Натаскают ребята воды, тюленёнка пустят. Плавает он там, плещется, фыркает. А устанет — вылезет, обчистится, обсушится, на половичок ляжет и посматривает кругом. Глаза у него ничуть не уменьшились, всё такие же кроткие, умные — как человеческие, только взгляд веселей стал.

Кормили его сперва молоком, а потом, когда подрос, стали рыбу давать. Чуть не целыми классами на рыбную ловлю отправлялись, ловили со льда навагу и кормили тюленёнка. Ко всем он относился хорошо, доверчиво, никого не дичился, но изо всех отличал особенно одного Васю и, когда видел его, начинал от радости головкой помахивать.

А когда наступила весна и сошёл лёд, поднялся в школе большой спор. Одни предлагали тюленёнка в зоопарк отправить, а другие хотели выпустить его на волю. Спорили, спорили и решили всё-таки выпустить тюленёнка в море.

В тот день все в деревне знали, что тюленёнка в море выпускать будут, и когда понесли его ребята на берег, то и взрослые рыбаки туда же пришли.

Пришли дядя Зосим с дядей Перфилием и даже парень-насмешник пришёл, тот самый, кто тогда зимой хотел тюленёнка застрелить. Весело было очень, на праздник похоже. Пустили тюленёнка на берег к самой воде, а он ничего не понимает, забыл всё. Облило его раз волной, другой раз обдало. Вдруг он понял что-то, ластами, хвостом зашлёпал — и в воду. Сначала на мелком месте его раза два перевернуло волнами. На берегу все засмеялись, руками захлопали, ногами затопали, закричали даже, как, бывает, на зайца кричат:

— Держи, держи его!..

Только ребята стояли молча, притихшие. Жалко им было тюленёнка, привыкли к нему, а Вася — так тот чуть не плакал.

Тюленёнок выбрался на глубокое место и нырнул. Показался снова он уже далеко — чёрной точкой. Долго эта точка на одном месте покачивалась. И всем казалось, что тюленёнок на берег смотрит, прощается, и хоть не видели уже, но каждый представлял себе большие его, выразительные глаза. Наконец опять нырнул тюленёнок, и больше уж его не видели.

А зверобои закурили все вместе, задымили и тут же решили на будущее, что если опять случится грех — убьют нечаянно матку, так детёныша ребятам в школу отдавать, а весной всей деревней выпускать на волю.

Гоглёнок или три мира

(*Продолжение*)

Вит. БИАНКИ **Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО**

Глава вторая

Братишки столкнули меня со страшной высоты.

Я стремглав полетел в пропасть, но — представьте себе! — нисколько не разбился. Ударился о землю, подскочил, как мячик, перевернулся через голову и стал на ножки. Оказывается, у нас, утят, такой густой пух и такие мы лёгкие, что можем падать с любой высоты.

За мной благополучно попадали все мои братишки и сестрёнки.

— Ну, вот и молодцы! — сказала мама-утка. — Теперь за мной! Ни с кем не ссорьтесь, ведите себя хорошо, — продолжала мама и зашагала вперёд, переваливаясь с боку на бок.

Мы все потянулись гуськом за ней. Я, конечно, первый.

Под ногами у нас были корни. Мы путались лапками то во мху, то в высокой траве, наши нежные перепонки между пальцами больно кололись о хвоины и острые сучочки. Мама шла не шибко, но мы еле поспевали за ней, спотыкались, падали, вскакивали, опять ковыляли догонять её.

Вдруг мама остановилась и шёпотом зашипела:

— Прячьтесь! И — ни звука!..

Сама тоже спряталась в кусте.

Мы затаились в траве. Послышались грубые голоса и стук железа о железо. По лесу, разговаривая, шли два человека. Они несли страшные железные когти.

— Наверняка в дупле чьё-нибудь гнездо, — говорил один. — Если с яйцами, — яичницу себе сделаем. С птенцами, — так жарево.

И оба быстрыми шагами прошли за кустом в ту сторону, откуда мы только что пришли.

— Ищите! Ищите! — прошипела мама, вскакивая на ноги.

Мы опять побежали за ней.

Вдруг выскочил из-под кустика серый зверь. Большой — куда больше мамы, — страшный,

с растопыренными усами, предлинными ушами и выпученными от страха глазами. Мы все сразу остановились и прямо не знали, куда от него деться. А он встал во весь рост, болтает тонкими передними ножками и косится на нас одним глазом.

— По-поспать не дадут! — оглядев нас, сердито пискнул зверь детским голоском и опять улёгся под свой кустик.

Мы пошли дальше, и мама сказала:

— Это просто заяц. Он утят не ест.

Тут перед нами поднялась из травы желтоватая птица чуть побольше мамы — с маленькой головкой, острым носом и красными бровями.

— Здрас-сте, сестрица тетёрка, — вежливо поздоровалась мама. — Вот каких я утяток вывела: кругленькие, пушистенькие и такие ловкие — так хорошо уже научились ходить.

— Ах, не смешите меня, хозяюшка! — сказала краснобровая. — Поглядите на моих тетеревят. Они уж и бегают отлично, не то что ваши ковыляшки!

И вдруг из-под земли выросли девять жёлтеньких краснобровых тетеревят.

— Пи-пи-пи! — запищали они и замелькали тонкими прямыми ножками.

А мне ужасно не понравилось, что тётка тетёрка назвала нас ковыляшками. Я как дам одному тетеревёнку в грудь! Он отскочил. А я наступил сам себе на ногу и ткнулся носом в землю.

Все жёлтенькие накинулись на нас, подскакивают и раз-раз носиками — всех повалили! Наша мама волнуется, крячет, тетёрка квохчет — шум, писк!

Мама подняла нас всех с земли: «Как вам не стыдно!» — и скорей повела дальше. Нам и верно было стыдно: девять тетеревят победили нас — тринадцать утят! И кричат нам вслед: «Хи-хи-хи! Ковыляшки! Коротышки! Мокрохвостики!» — и всякие там обидные слова.

Но тут деревья стали редеть, редеть, светлей стало — и вот впереди показалось, засияло что-то огромное и такое прекрасное, что у меня дух захватило. Синий-синий-синий мир лежал под

обрывом, накрытый таким же синим, высоким-высоким небом! Он был похож на огромное синее яйцо.

— Вода, озеро, — сказала мама. — Тут мы и будем жить.

Она раскрыла крылья, замахала ими и, сделав над озером широкий круг, опустилась под нами на воду, подняв сноп радужных брызг.

— Кувыркайтесь сюда! — крикнула она весело.

И вот мы, тринадцать утят, смело бросились с высокого обрыва кувырком, кувырком через голову в синее озеро. Я, конечно, первый. И не успел я опомниться, как с головой окунулся в податливую, тёплую, ласковую воду. Вокруг меня с писком падали, окунались, выскакивали мои чёрные братишки и сестрёнки.

— Спасайтесь! — отчаянно крикнула вдруг мама и неожиданно куда-то исчезла.

На нас упала тень распластанных крыльев большой птицы с горящими глазами и хищным, крючковатым носом.

Но где же было спасаться нам, беспомощным утяткам? Мы у всех на глазах открыто сидели на гладкой воде, и деться нам было некуда...

(Окончание следует)

Вот уже скоро месяц, как я работаю в редакции своего журнала. Сначала я думал здесь отдохнуть — очень уж я устал, разыскивая клей для несчастного козла. Но, увы, отдыха не получилось. Помешала этому моя природная любознательность.

Началось всё с мелочей. Почтальон принёс письма. Я, конечно, сразу стал отклеивать марки и рассматривать рисунки, которые со всех концов страны шлют в журнал ребята.

Рисунки мне так понравились, что я в ту же минуту побежал к редактору — просить их напечатать. Вот они, по краям страниц. Посмотрите, какие красивые!

А потом я начал читать письма, и мне захотелось тоже все их напечатать. Но редактор сказал, что все не поместятся. Тогда я решил просмотреть письма за несколько дней и выбрать самые интересные.

Наташа Зима из города Луганска учится во втором классе. Она прислала нам стихи про спутник.

МЕДВЕДЬ И МЫШКА

Шёл медведь к себе домой
По тропинке луговой,
А навстречу ему мышка.
«Здравствуй, милая малышка!
Что видала за зиму?»
Отвечает мышь ему:
«В небе три луны летают,
В одной Лайка громко лает».
Медведь очень удивился,
На луну заторопился.

Рисунок Вали Платоновой, 9 лет, г. Малая Вишера.

А вчера к нам в редакцию зашёл высокий человек. Он живёт в Москве, очень любит ребят. Человек этот принёс стихотворение-загадку.

СКОЛЬКО КОС НА СВЕТЕ?

В море — суши полоса
Называется «коса».

И у девушки — коса,
Цвета спелого овса.

На траве лежит роса, —
Косит травушку коса.

У меня один вопрос:
Сколько есть на свете кос?

Ну-ка, ответьте на вопрос Б. Гольдберга.

Писательница А. Рождественская прислала загадку:

В золотой клубочек
Спрятался дубочек.

Рисунок Саши Юшенкова, 6 лет.

Рисунок из журнала «Славейче».

На днях пришёл из Болгарии журнал «Славейче». Вот этот загадочный рисунок из «Славейче» показался мне очень интересным. А вам, ребята?

Рисунок Вовы Кривко, 7 лет, г. Кемерово.

Люда Линькова пишет:

«Живу я в городе Осинники. Учусь в школе № 13, в четвёртом классе. В первой и во второй четвертях я была хорошисткой, а в третьей стала отличницей.

Прошу вас, чтобы моё письмо напечатали в журнале».

Рисунок Люси Силкиной, 5 лет, г. Москва.

А сегодня от москвички Тани Трегубенко пришло письмо с просьбой. Она просит рассказать, как устроены кремлёвские куранты. Я знаю, как они устроены, и в одном из следующих номеров обязательно расскажу об этом.

Больше ничего на эту страницу не входит, а жаль — писем интересных и рисунков ещё очень много.

До встречи в следующем номере «Мурзилки»!

Рисунок Саши Самуйлова, 8 лет, г. Зубцов (Калининская область).

Рисунок Кости Малыша, 9 лет, г. Таллин.

Рисунок Мзии Жвания, 7 лет, г. Тбилиси.

СНЕЖОК И МЕТЕЛЬ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рис. Е. КОРОТКОВОЙ

Говорит Снежку Метель:
— Ляг скорей, сынок, в постель.
Спи спокойно до весны.
Пусть тебе приснятся сны.

Лёг Снежок в траву под ель,
Лёг Снежок в свою постель
И уснул под пуховым
Одеялом снеговым.

Унеслась Метель куда-то.
А к Снежку пришли ребята.
— Поднимайся, белый снег,
Что ты спишь здесь дольше всех?

И они скатали ком.
Стал Снежок снеговиком.

Говорит ему Сорока:
— Ты с постели встал до срока.
Вот рассердится Метель! —
И Сорока — скок на ель.

Заяц пискнул, сев на снег:
— Ты совсем как человек.
Если был бы ты с ружьём,
Не ушёл бы я живьём.

Возвращается Метель,
Смотрит в белую постель:
Где Снежок?
С улыбкой глядя,
Здесь стоит солидный дядя.
Чёрным углем для красы
Намалёваны усы.

Голос дрогнул у Метели:
— Почему ты встал с постели?
Как ты вымокнуть посмел?!.

Побелел Снежок как мел.
— Я совсем не виноват,
Что немного сыроват.

Это солнышко пригрело,
Всё на свете отсырело.

Тут сердитая Метель
Закружила карусель.
— Жди меня, сынок, под елью,
Я вернусь через неделю.

Возвратилась —
Нет сынка.
По земле течёт река.
Только белые комочки
По реке плывут, как точки.
На дворе стоит апрель.

Убивается Метель:
— Что за горе эти дети!
Мы их ищем в целом свете,
Мы их дома долго ждём!.. —
И заплакала дождём.

Понеслась Метель вдогонку
В незнакомую сторонку...
Лишь к зиме нашла сынка,
Непослушного Снежка.

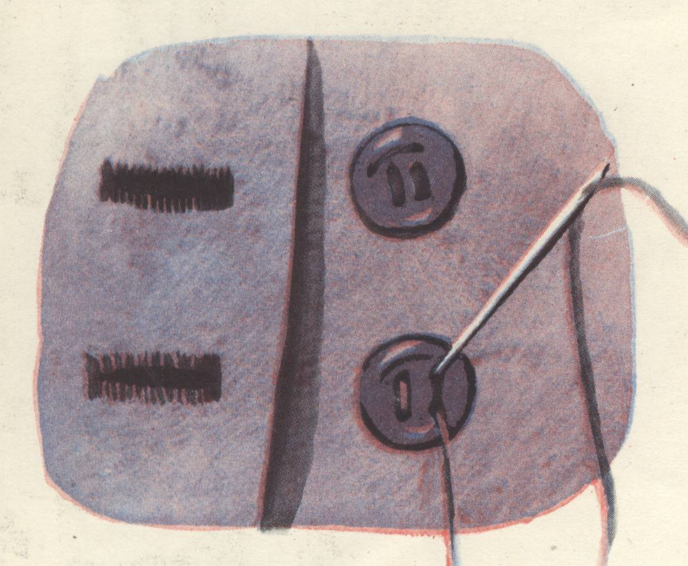
Уложила спать под елью,
Покружилась над постелью,
Наказала:
— Спи, сынок!.. —
И умчалась со всех ног.

Рис. М. АФАНАСЬЕВОЙ

СДЕЛАЙ САМ

У хорошего мастера инструмент всегда под рукой. Вот и ты привыкай держать свои вещи в порядке. Ножницы, иголки, нитки удобно хранить вместе.

Возьми полоску плотной ткани, лучше всего суконной, сложи вдвое, простегай, как стегают

одеяло, и ровненько обрежь со всех сторон. Края обметчи цветной ниткой.

Для ножниц сделай петельки, как показано на рисунке. Для иголок — пришей подушечку. Нитки намотай на картонные катушки. Пришей их за один край, чтобы нитки было легко разматывать.

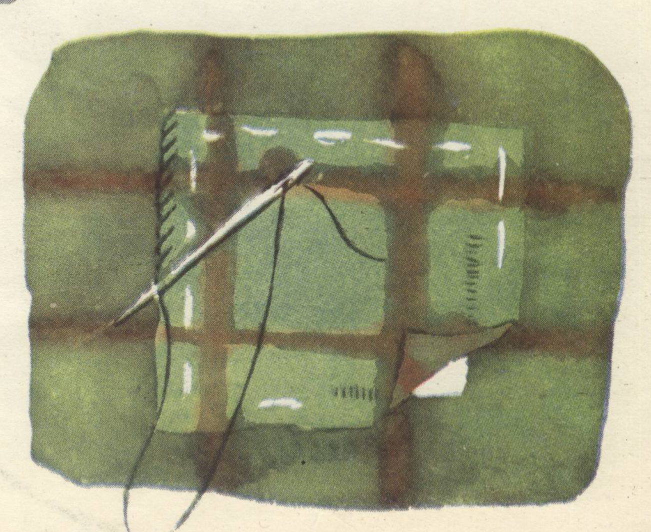
ЗАШТОПАЙ ДЫРОЧКУ НА ЧУЛКЕ

Срежь изношенные ниточки, натяни чулок на грибок или клеёнчатую подушечку и начинай штопать. Сначала натяни продольные нитки (основу), потом переплети их поперечными, поднимая одну нитку на иголку, другую оставляя под иголкой. Клади нитки вдоль и поперёк близко друг к другу, чтобы штопка была плотной.

ПОСТАВЬ ЗАПЛАТКУ НА ПЛАТЬЕ

Возьми лоскуток материи, оставшийся от шитья платья, вырежь прохудившееся место и примечи заплатку. Рисунок заплатки подгони так, чтобы не нарушить рисунка ткани. Заплатка должна быть немного шире, чем дырка. Пришьёшь заплатку, вытащи намётку и разгладь.

ПЕРВАЯ СТРУЖКА

Б. КОПАЛЫГИН *Рис. В. ЛОСИНА*

На циферблате семь часов
Показывают стрелки.
У мамы суп давно готов,
Расставлены тарелки.

И мы с дверей не сводим глаз,
Всё ждём и ждём Володю.
Мой брат сдаёт на этот раз
Экзамен на заводе!

Он стал впервые за станок
И режет сталь упрямо.
— А вдруг не справится сынок! —
Вздохнула грустно мама. —

Ведь там, наверное, чертёж —
Загадка на загадке.
Чего-нибудь не разберёшь —
И будут неполадки.

Но тут Володя в дом вбежал
И, чуть глотнув из кружки,
Ладонь торжественно разжал,
А в ней — стальные стружки!

Володя сделал сам деталь,
Работал он упорно.
Теперь, я вижу, даже сталь
Его рукам покорна!

Забыл я шашку и коня
И все свои игрушки,
Как очутились у меня
Сверкающие стружки!

...Плывут над городом дымки
Богатырей заводов,
Поют гудки,
Зовут гудки,
Торопят пешеходов.

Мы вместе с братом в этот час
Выходим за ворота.
Ждут одного — урок и класс,
Другого — цех, работа.

На перекрёстке двух дорог
Мне руку жмёт Володя:
— Не унывай! Настанет срок —
Ты будешь на заводе!

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПОБАСЕНКИ

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Собака на кухне
Лепёшки печёт.

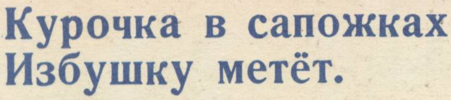

Кот в углу
Сухари толчёт.

Кошка в окошке
Платье шьёт.

Курочка в сапожках
Избушку метёт.

Вымела избушку,
Положила голичок:

— Ляг, голичок,
Под порог на бочок!

На обложке рисунок М. УСПЕНСКОЙ

Худож. редактор Ю. Молоканов *Техн. редактор Г. Голубкова*

Год издания тридцать пятый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Подп. к печати 5/I 1959 г. Бумага $60 \times 92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2712

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА